

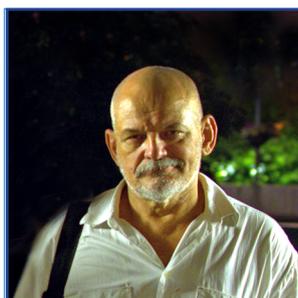
# Современные войны: социальные причины и последствия

## Война идентичностей



**Дибиров Абдул-Насир Зирарович** – доктор политических наук, профессор, ректор НАОДПО «Дагестанский институт экономики и политики», Махачкала

*E-mail:* [anzidi@yandex.ru](mailto:anzidi@yandex.ru)



**Белоусов Евгений Васильевич** – кандидат философских наук, директор АНО «Московский институт социально-политической экспертизы», Москва

*E-mail:* [ev.beloysov@yandex.ru](mailto:ev.beloysov@yandex.ru)

# Война идентичностей

## Аннотация

В предлагаемой статье на основе теоретического обоснования авторского понимания содержания понятия «идентичность» вскрываются причины конфликта идентичностей на постсоветском пространстве. При этом авторы обращаются к опыту формирования национальной идентичности в имперской России, Советском Союзе и постсоветских государствах. В статье на основе анализа содержания таких понятий как «этнократизм», «конструирование национальной идентичности», «символы национальной гордости» вскрываются причины краха государственности в полиэтничных обществах и анализируются факторы сохранения или возрождения в них государственности. Большое внимание в статье уделено содержанию советской идентичности и её роли в формировании и сохранении российской государственности. По мнению авторов работы, основой конфликта идентичностей на всём постсоветском пространстве является конфликт между советской идентичностью, сохранившейся вплоть до сегодняшнего дня у части населения, и идентичностью, несущей в той или иной мере элементы национализма, которую пытаются сформировать в новых государствах. Конфликт между искусственно конструируемой национальной идентичностью в постсоветских государствах и сохраняющей своё влияние советской идентичностью определял и определяет во многом политическую ситуацию в этих государствах. Классическим воплощением этого конфликта, считают авторы статьи, стала война идентичностей, разразившаяся на Украине. Авторы подвергают критике устоявшуюся в нашем общественно-политическом дискурсе точку зрения о том, что здесь произошло столкновение русского мира и украинского национализма. В статье аргументированно вскрывается природа этой войны идентичностей, как войны между сконструированным за последние двадцать лет украинским национализмом и устоявшейся советской идентичностью, объединяющей, главным образом, граждан юго-востока Украины с такими же гражданами других постсоветских государств, прежде всего, России.

**Ключевые слова:** война, государство, граждане, идентичность, история, нация, национализм, конфликт

*Мы должны со всей силой своего ответственного разума  
подавлять нашу естественную склонность относиться  
к социальным нормам и ритуалам других культур  
как к неполноценным.*

К. Лоренц

События на Украине показывают, что спустя 23 года после развала Советского Союза тектонические сдвиги на постсоветском геополитическом пространстве не успокоились, а продолжают с нарастающей силой. Первый кровавый межэтнический конфликт той эпохи распада разразился ещё в 1988 г. в Азербайджане. Затем полыхнула Средняя Азия, за ней Грузия, Приднестровье, российский Северный Кавказ. Волна военных столкновений, имеющих этническую окраску, то затихая, то разгораясь с новой силой, докатилась и до Украины. Нет гарантий, что на Украине она остановится. В частности, нервная реакция лидеров прибалтийских стран, потребовавших ввода войск НАТО на свою территорию, недвусмысленно выдаёт их опасения оказаться на её гребне.

Трагическая последовательность этих событий создаёт впечатление, что время подтачивает и рвёт незримые узы, которые связывали некогда «братские» народы великой страны в неразрывное целое – рвёт их общую идентичность. То здесь, то там некогда «свои», «наши» вдруг обнаруживают себя в окружении «чужих» и «врагов», причём каждая линия такого разрыва имеет тенденцию превратиться в очередную – большую или маленькую – линию фронта.

Отправной вопрос в оценке подобных тенденций звучит так: а была ли на самом деле та самая «советская» идентичность, позволявшая советским людям говорить о себе, как о едином народе, и до сих пор называть представителей воюющих народов «братьями»? Д. А. Медведев, например, в бытность Президентом РФ заявил в интервью каналу «Евро Ньюс», что никакой «единой общности – советского народа» никогда не было, что это – теоретическая конструкция [Медведев 2011]. Надо признать, что подобное мнение стало, по сути, официальной точкой зрения большинства постсоветских государств, объясняющих своё былое пребывание в рамках Союза не добровольностью, основанной на осознании объективной исторической общности, а насилием – русской или советской оккупацией. Но если это так, тогда перед постсоветскими странами, в том числе перед Российской Федерацией, встаёт тот самый роковой вопрос: если разные этносы в рамках СССР объединяла не общая идентичность, а насилие, то что, кроме насилия, объединяет их в рамках возникших на руинах СССР государств?

## Национальная идентичность и этнократия

Мрачная перспектива, которая открывается за таким видением причин нашего бывшего единства, заставляет в поисках адекватного ответа вернуться на столетие назад к историческим истокам проблемы – к тем трагическим событиям, когда Российская империя, не выдержав испытания Первой мировой войной, потерпела крушение. Историкам, вообще говоря, хорошо известен факт, что поражение в войне в большом числе случаев вело к распаду полиэтничного государства на множество этнонациональных государственных образований, даже если это не было результатом прямой аннексии территории: достаточно вспомнить судьбу далёкой уже Римской империи или более близких Османской и Австро-Венгерской империй, рухнувших после поражения в Первой мировой войне. Причина такого распада достаточно понятна: империи – а в отношении названных выше это достаточно общепризнанно – являются, как правило, этнократическими государствами, в которых один или несколько этносов угнетают множество других. И в момент крушения государства, т. е. в момент исчезновения государственной власти как таковой, угнетаемые этносы – если тому не мешают победители – сразу же учреждают собственную государственность, реализуя универсальный принцип революции: «кто был ничем, тот станет всем».

Однако крах Российской империи плохо вписывается в эту схему. Хотя России не было в числе победителей, её дальнейшая судьба совершенно не похожа на судьбы названных империй: вначале тотальный распад, а затем – через несколько лет гражданской войны – возрождение единой многонациональной страны практически в тех же имперских границах. В чём же причина того, что Российское государство не повторило тогда судьбу исчезнувших империй?

Как представляется, тут можно назвать две основные причины. Первая: Российская империя, в отличие от названных, никогда не была этнократическим государством в своём классическом виде. Вторая причина: именно новая национальная – «советская» – идентичность, возникшая в ходе Октябрьской революции и гражданской войны, на тот момент оказалась «сильнее» практически любой этнической идентичности входивших в империю народов.

В советское время царскую Россию (по понятным идеологическим основаниям) называли «тюрьмой народов», подразумевая, однако, что в этой тюрьме наравне со всеми в своей камере также томился и русский народ. Но после распада СССР как-то само собой стало подразумеваться, что «тюрьма народов» – это русская этнократия. И именно угнетением

Распад российской империи был вызван вовсе не национально-освободительными восстаниями, которых тогда попросту не было, а тотальным крахом центральной власти империи.

малых этносов и их национально-освободительной борьбой и стали объяснять причину распада Российской империи. Однако, как представляется, подобную точку зрения вряд ли возможно подтвердить фактами. Распад империи, что хорошо известно, был вызван вовсе не национально-освободительными восстаниями, которых тогда попросту не было, а тотальным крахом центральной власти империи.

Военные неудачи российской армии, нараставший экономический хаос в стране, моральная дискредитация правящей элиты (вспомнить хотя бы «распутинщину») привели к полной делегитимации монархической власти, формально завершившейся отречением последнего русского царя, после которого трон так и остался незанятым. Этот факт означал внезапное прекращение всей государственной традиции страны, где тысячу лет законной признавалась только власть, переданная от царя к царю. Таким образом, Россия в результате войны лишилась не только легитимной, но в одночасье и законной власти. Временное правительство, пришедшее на смену монархии и учреждённое на принципах, неведомых российской государственности, в глазах народа с самого начала было не вполне законным, а по мере дальнейших военных поражений и гражданской анархии также лишилось и зачатков «революционной» легитимности. В стране, где исчезла государственная власть или, что одно и то же, повсеместно не признавалась таковая, совершенно закономерно исчезала *гражданская идентичность*, т. е. признание гражданами своей подвластности существующему (или уже несуществующему) государству.

В этой ситуации и начался обвальный распад империи, первоначально без участия всякого национального фактора, хотя плодами этого распада в первую очередь воспользовались именно национальные элиты. Первой здесь выступила Центральная Рада, провозгласившая автономию Украины; далее последовали соответствующие декларации о независимости Польского и Финляндского Сеймов, «суверенизация» Сибири и т. д. А к концу 1918 г. на бывшей территории Российской империи образовались уже десятки государственных образований, в том числе этнонациональных, заявивших о своей независимости.

Таким образом, фактический ход событий не даёт особых оснований видеть причину распада страны в борьбе народов против этнократии, против национального угнетения. Разумеется, вопрос об «угнетении» весьма субъективный: кто-то, например, считает угнетением (т. е. недопустимым ущемлением прав) любое замечание в свой адрес со стороны представителя другого этноса и тотчас бурно протестует против этого. Однако более или менее объективным критерием наличия или отсутствия этнократии в исторической ретроспективе является как раз степень желания или степень нежелания

различных этносов жить в одном государстве. Тем более жить и дальше вместе, если государство, в котором они жили до этого, вдруг исчезло. И если такое происходит (а в России по итогам гражданской войны произошло именно это), можно сделать вывод, что граждан исчезнувшей страны не столько разделяла их этническая идентичность, сколько связывало нечто большее – историческая и культурная общность, которую принято называть *национальной идентичностью* [Белоусов, Дибиров 2010]. Однако не известно, чтобы когда-нибудь в истории в многоэтнической империи, в которой господствовала этнократия, у граждан вдруг появилась эта самая национальная идентичность и после крушения империи они по-прежнему захотели бы жить вместе.

Существует возражение, что единство российского государства было восстановлено исключительно военной силой Красной армии, и национальная идентичность граждан многоэтнической страны не имела к этому отношения. Как представляется, это – слабый аргумент. Польша, в отношении населения которой в империи действительно имелись законодательно оформленные этнократические ущемления прав, не захотела жить в едином государстве и ушла. Ушла Финляндия, ушли прибалтийские страны – и Красная Армия пальцем не пошевелила, чтобы помешать им в этом. Причём последовавшая в дальнейшем польская интервенция показала, что если население мобилизовано по этническому признаку, то справиться с ним и армии было не под силу.

Следует вспомнить, что на стороне национальных буржуазных правительств, которые возникли повсеместно на территории распавшейся Российской империи, практически без исключения выступали интервенционистские силы в лице Германии, Турции или стран Антанты. И без массовой поддержки народов национальных образований, тем более при их сопротивлении, шансы Красной армии, обутой в лапти, были равны нулю. «Не российское советское правительство выгнало нас из Украины, а наш собственный народ, без которого и против которого, ещё раз говорю, российские советские войска не могли бы занять ни одного уезда нашей территории», – вот именно так заявил, можно считать, от лица всех неудачников-националистов бывший глава Директории В. К. Винниченко [Винниченко 1920], и ему следует поверить. Если к сказанному добавить, что при распаде империи государственно обособились также территории, практически полностью заселённые русскими, в частности в Сибири, на Дальнем Востоке и т. д., к чему «национальное угнетение» точно не имело никакого отношения, можно сделать вполне обоснованный вывод, что отсутствие этнократии в Российской империи – это первая причина того, почему российское многонациональное государство смогло возродиться из пепла двух войн.

## Советская идентичность и гражданская война

Однако надо признать, что само по себе отсутствие этнократии и отсутствие восприятия русских как угнетателей – это недостаточное основание для того, чтобы у представителей российских национальных меньшинств, которые уже де-факто вышли из состава империи, вдруг появилось желание опять объединиться в новом государстве. Особенно это справедливо в отношении тех мелкобуржуазных элит, в руках которых впервые в истории оказалась государственная власть и отдавать которую по понятным мотивам им вовсе не хотелось. А этнонационализм в такой ситуации оказывался единственной идеологией, оправдывавшей их претензии на власть. Тем не менее, объединение страны состоялось. И, как представляется, решающую роль в нём сыграли именно революция и гражданская война, которая шла не по этническому, а по классовому признаку, и которая во много раз ускорила формирование новой национальной – теперь уже *советской* – идентичности.

Идентичность как таковая, как субъективная антитеза «мы – они», делящая весь человеческий мир на «своих» и «наших», с одной стороны, и «чужих» и «врагов» – с другой, в исторической ретроспективе вообще есть исключительно порождение войны [Белоусов, Дибиров 2010]. Да, люди сотни лет могли мирно сосуществовать рядом, представляя на посторонний взгляд, скажем, единую племенную общность или общность граждан одного государства, но только война действительно могла разделить людей и воочию показать, с какой человеческой общностью они себя на самом деле идентифицировали и за какую общность были готовы сложить свои головы. При этом война закономерным образом не только разделяла людей по какому-то основанию, но по этому же основанию и объединяла их, превращая это основание в фундамент собственной идентичности. Гражданская война, если речь не идёт о банальной борьбе за престол, – это всегда война идеологий, это всегда размежевание и конфликт идентичностей.

Общий взгляд на историю позволяет выделить, исключая династические «разборки», три основания, по которым когда-либо велись гражданские войны: они носили характер либо межэтнического, либо классового, либо религиозного столкновения, либо совмещали в некоторой пропорции их признаки. Например, первые башкирские восстания XVII в., связанные с попыткой Москвы окрестить башкир, с очевидностью несут в себе элементы этнического и религиозного противостояния. А вот восстание Пугачёва, в котором те же башкиры, как и другие национальные меньшинства, вместе с русскими принимали самое деятельное участие, хотя началось оно под предлогом восстановления на престоле «законного» царя, при

Идентичность как субъективная антитеза «мы – они», делящая весь человеческий мир на «своих» и «наших», с одной стороны, и «чужих» и «врагов» – с другой, в исторической ретроспективе вообще есть исключительно порождение войны.

любом подходе иначе, как классовым столкновением, назвать трудно. В то же время восстание Спартака в Риме, которое, по советской традиции, по большей части называют исключительно классовой войной, несомненно, имело и этнический характер, поскольку врагом восставших были не просто рабовладельцы, но и все (этнические) римляне.

В соответствии с приведённым делением можно утверждать, что стороны гражданского конфликта всегда идентифицируют себя либо по этническому («мы – люди, они – звери!»), либо по религиозному («мы – правоверные, они – неверные!»), либо по классовому («мы – товарищи, они – господа!») основанию. Причём очевидно, что противостоящие стороны могут принимать различные основания для идентификации себя и противника.

Что касается гражданской войны в России, то здесь вряд ли есть серьёзные поводы подвергать сомнению традиционный взгляд на её характер, а именно на тот факт, что со стороны «красных» она носила ярко выраженный классовый, интернациональный и в известной мере антиклерикальный характер. С противной стороны вместе с «белой» армией им противостояли националистические формирования, часто под религиозными знамёнами. «Красная» идентичность основывалась на идее всеобщего равенства людей; «белая» – на идее «загнать быдло в стойло»; националистическая и религиозная – это смесь идей национальной исключительности с идеями утверждения «истинной» веры – в основном с идеями того же джихадизма. И надо подчеркнуть, что нигде, даже в Средней Азии, большинство населения – социальные низы – не поддержало ни националистов, ни религиозных фанатиков, ни тем более «белых». «Красная» идентичность, основанная на идеях равенства и справедливости, оказалась более привлекательной и победила в головах подавляющей части российских народов. В результате страна в конечном итоге разделилась на «своих» и «чужих» не по этническому, не по религиозному, а именно по классовому признаку. Характерное свидетельство, касающееся опять же Украины, но, по сути, относящееся в той или иной степени ко всем буржуазным национальным образованиям того времени, оставил В. К. Винниченко. Он признавался впоследствии, что политика «украинизации», призванная, по сути, разжечь националистические настроения среди населения, потерпела крах. Вместо «незалежности» большинство украинцев поддержало большевиков и радовалось, когда те разгоняли Раду. «Ужасно и странно во всём этом было то, – сетовал он, – что они тогда получили всё украинское – украинский язык, музыку, школы, газеты и книги» [Винниченко 1920].

И чем сильнее разгоралась война, тем сильнее классовая ненависть – *социальный расизм*, как определил её С. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2002], мобилизовывала многоэтническое

население бывшей империи, разводя его по разные стороны баррикад. Брат шёл против брата, русский против русского, дагестанец против дагестанца, украинец против украинца... В то же самое время по одну сторону баррикад братьями по оружию, братьями по борьбе за светлое будущее всё сильнее чувствовали себя те же самые русские, дагестанцы, украинцы... – представители социальных низов всех этносов, населявших территории тогдашней России.

При этом следует иметь в виду, что в формировании идентичности, особенно национальной идентичности, огромную роль играет не только война сама по себе, создающая «братство по оружию», но и общая *победа* в этой войне. В более широком смысле идентичность всегда опирается на общие символы гордости, среди которых военные победы находятся, конечно же, на первом месте. А именно социальные низы бывшей империи, представлявшие подавляющее большинство населения, вышли победителями из кровопролитной войны и стали по факту носителями новой, завоёванной в классовых боях, национальной идентичности, известной нам под именем «советской».

Таким образом, можно утверждать, что «советская» идентичность в своём «первозданном» виде – это классовая идентичность бывших граждан Российской империи, победивших в гражданской войне. Естественно, что эта идентичность опиралась на многовековую гражданскую и культурную общность российских народов, и без этой общности не могла бы служить прочной основой новой советской государственности. Также очевидно, что в годы гражданской войны и непосредственно после неё эта идентичность была «сильнее» любой этнической идентичности: «чистота» рабоче-крестьянского происхождения и участие в революционной борьбе значили в социальном статусе человека практически всё, этническая принадлежность не значила ничего. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – абстрактный лозунг стал практическим принципом человеческих взаимоотношений в огромной многонациональной стране.

Но «победа» классовой идентичности над идентичностью этнической, сыграв исключительно важную роль в реинтеграции распавшейся страны, в то же самое время сыграла роль «троянского коня», заложив фатальные противоречия в основы нового государственного устройства. Ведь только в условиях, когда этнические различия объявлялись классовой идеологией чуть ли не «пережитком прошлого», стали возможны такие волюнтаристские «нарезки» национальных территорий, когда этносы оказались разделены и ранжированы по своему статусу: одни стали титульными нациями союзных республик, другие – титульными нациями автономных республик, подчинённых союзным республикам ..., а самые последние оказались с составе национальных округов, подчинённых всем

Идентичность всегда опирается на общие символы гордости, среди которых военные победы находятся, конечно же, на первом месте.

«вышестоящим» нациям. При этом границы часто нарезались так, чтобы части одной этнической общности оказались в различных национально-территориальных образованиях (как, скажем, Карабах в Азербайджане, Новороссия в Украине и т. д.), «усиливая», таким образом, «интернациональность» этих территорий. Учитывая, что буквально за год или два перед этим (т. е. во время гражданской войны) те самые общности могли воевать друг с другом за те самые территории, подобные эксперименты были возможны только в условиях, когда авторитетом (и силой) рабоче-крестьянского государства была предложена альтернативная – классово-интернациональная идентификация «своих» и «врагов».

Хотя подобная иерархия национально-территориального деления, по крайней мере в годы расцвета СССР, не давала никакого социально-политического или экономического преимущества представителям титульных этносов, её бесперспективность заключалась в том, что фатальной слабостью классовой идентичности являлась временность и неизбежная «самоликвидация» в условиях отсутствия классового врага. Как только «они – классовые враги» исчезают в ходе революции и гражданской войны, классовая идентичность теряет питающие истоки и лишается своей объединяющей силы. А вместе с тем «линии» и «трещины» между общностями начинают вдруг появляться в других местах и по другим основаниям – там, где они и пролегли до этого сотни лет. Общество, изгнавшее классовых врагов, неумолимо начинало «разрыхляться» в то время как начавшиеся в стране социалистические преобразования требовали его полной мобилизации. Сталинский парадоксальный тезис об углублении классовой борьбы по мере строительства социализма интерпретируют сегодня большей частью в аспекте борьбы за власть. Однако этот тезис точно также можно интерпретировать, как попытку власти остановить демобилизацию советской (в тот момент исключительно классовой) идентичности, совершенно необходимой для глобальной модернизации общества с помощью революционного энтузиазма масс.

## Советская идентичность и распад СССР

Неизвестно, как долго можно было бы подпитывать классовую идентичность с помощью террора и поиска всё новых «классовых врагов». Но грянувшая Великая Отечественная война, сделавшая многонациональный народ СССР великим народом-победителем, вовремя и совершенно естественным образом заменила умирающую классовую основу советской идентичности обычным культурно-гражданским основанием, которое составляют общие символы гордости граждан, принад-

лежащих одной великой стране. Великая военная победа, принадлежавшая по праву всем без исключения народам СССР, сплотила страну без всяких «классовых врагов», подтвердив одновременно по факту историческую справедливость сделанного «социалистического выбора». Хотя поиски «врагов» продолжались ещё по инерции какое-то время, но стало очевидно, что классовая идентификация граждан изжила себя, а после смерти Сталина государство отказалось от неё навсегда. Конечно, официальная пропаганда продолжала противопоставлять советское бесклассовое общество «загнивающему» капиталистическому, однако советская идентичность уже подпитывалась вовсе не классовой принадлежностью, а вполне «общечеловеческими» символами гордости: славной Победой, успехами в экономике, науке и технике, освоении космоса, в спорте и т. д. Люди просто гордились своей общей принадлежностью к могучей Сверхдержаве, к общности избранных историей людей.

Следует отметить, что в более широком историческом масштабе советская идентичность – это, несомненно, всего лишь историческая форма российской национальной идентичности (в данном случае, понятно, «национальная» от слова «нация», а не «национальность»). В её основе лежит историко-культурная общность всех этносов, входивших в состав российского государства задолго до революции 1917 г. От «гражданской» идентичности она отличается тем, что основана не на общем гражданстве или «подданстве», которые могут быть и формальными, и насильственными, а именно на *историко-культурной общности*, складывавшейся во времени с участием всех этих этносов и опиравшейся на общий язык (исторически им стал русский язык), на понимание общности исторической судьбы в рамках антитезы «мы – они» и на завоёванные совместным ратным и мирным трудом общие символы гордости. И героическая советская история, аналогов которой нет в мировой истории, несомненно, многое добавила к общей идентичности народов страны. Потому эта идентичность и заслужила отдельного имени.

Тот факт, что в СССР до самого его распада существовала эта самая «единая советская нация» – т. е. подавляющее большинство граждан, обладавших советской национальной идентичностью – подтверждается простым историческим фактом, когда на мартовском референдуме 1991 г. из 148,6 млн. голосовавших (80% электората) 113,5 млн. (76,4%) проголосовали за сохранение СССР. Против этого в подавляющем большинстве были лишь этнические общины из Прибалтийских республик, Западной Украины и (правобережной) Молдавии<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Грузия и Армения не участвовали в референдуме по причине того, что Москва не поддержала их позицию ни в Карабахском, ни в Юго-Осетинском конфликтах.

Это вполне естественно: откуда было взяться у них советской национальной идентичности, если им исторически не привелось разделить с народами СССР гордости ни за великую революцию, ни за великую Победу?

Тем не менее, время шло, а административная модель управления экономикой, основанная на «общественной собственности на средства производства», весьма эффективная в условиях войны, всё меньше отвечала требованиям мирного времени. Страна нуждалась в модернизации, а модернизация требовала политической воли. Однако политическая система в стране была устроена таким образом, что на смену «политическим титанам» в следующем поколении приходили те, кто был у них, по сути, «на побегушках». От одного поколения к другому власть медленно, но неумолимо теряла и волю, и авторитет. И для поднятия своего авторитета первым делом пыталась уронить авторитет предшествующей власти. Сталин сделал здесь первый шаг, когда объявил «врагами народа» и расстрелял героев гражданской войны и революции; Хрущёв в свою очередь развенчал Сталина и вынес его из Мавзолея; Брежнев сверг Хрущёва, обвинив его во всех грехах; а Горбачёв стал топтать ногами всех их вместе. В результате легитимность власти и КПСС в последние годы СССР опустилась, наверно, ниже уровня, на котором находилась легитимность последнего русского царя, безвольно покинувшего престол.

Единственным реальным содержанием горбачёвской «перестройки», замахнувшейся на модернизацию страны, была «гласность». Пожалуй, единственным реальным содержанием «гласности» был сокрушительный удар по символам гордости нации, по её советской идентичности. Мы далеки от того, чтобы давать моральные оценки и называть «лжецами» всех тех, кто находил тёмные пятна во всех героических событиях и на всех героях советской эпохи. Мы лишь обращаем внимание, что в мировой истории, докатившей своё колесо до сегодняшнего дня, лишь несколько стран и несколько народов действительно являются Победителями, и среди них на достойном месте находится Россия – наследница Империи и СССР. Подавляющее же большинство остальных субъектов мирового сообщества являются «по жизни» многократно побеждёнными и наблюдающими за мировой политической сценой с исторической галёрки. Однако это не мешает им – всем без исключения! – иметь свою «героическую» историю, в основание которой, как заметил К. Дойч, кладутся факты «как подлинные, так и поддельные, но в любом случае символизирующие национальное величие» [Deutsch 1979]. Ибо без героической истории, без «национального величия» не может быть национальной идентичности; и ни в какой сколько-нибудь отдалённой перспективе не может быть единой и суверенной

Без героической истории, без «национального величия» не может быть национальной идентичности; и ни в какой сколько-нибудь отдалённой перспективе не может быть единой и суверенной страны. Поэтому уничтожать общие символы гордости своего народа – какой бы ценой они ни были завоёваны, – всё равно, что стрелять ему в затылок.

страны. Поэтому уничтожать общие символы гордости своего народа – какой бы ценой они ни были завоёваны, – всё равно, что стрелять ему в затылок.

Канонада из всех «демократических» орудий по советской истории и символам, несомненно, подорвала объединяющую мощь советской идентичности, вместе с падающим авторитетом власти послужив спусковым крючком тех самых первых межэтнических конфликтов, предпосылки которым были заложены ещё в первые годы существования СССР. Однако надо признать, что эти конфликты – ни на Кавказе, ни в Средней Азии – не вдохновлялись идеями сепаратизма и потому прямо не угрожали существованию Советского государства. Государство рухнуло по другой причине: атака «гласности» на советскую идентичность окончательно добила центральную коммунистическую власть, авторитет которой был уже близок к точке замерзания и легитимность которой покоилась не на избирательном праве, а на советских символах гордости: социалистической революции, «успехах социализма» и т. д. Символ её собственного падения – вернувшийся из Фороса Горбачёв – генсек без партии, президент без государства. И в августе 1991 г. повторилась в точности ситуация августа 1917 г.: в стране, кроме Прибалтики, отсутствовали националистические выступления под лозунгами сецессии, однако в силу самоликвидации центральной власти страна фактически распалась на полтора десятка государств. Отличие же заключалось в том, что на этот раз не нашлось «большевиков» с их политической волей и объединяющей идеей. И это дало возможность подписантам в Беловежской Пуще поставить жирную точку в истории СССР.

## Конфликт идентичностей на постсоветском пространстве

Хотя шесть лет «перестройки» и «гласности» уничтожили веру во многие советские идеологические иллюзии: в коммунизм, в непогрешимость партии, в универсальную ценность «общенародной собственности на средства производства» и т. д., однако они никак не могли уничтожить реальные символы гордости советского народа. Нельзя в одночасье уничтожить до основания всё, во что верили, чем гордились и за что сложили головы миллионы людей. И подавляющее большинство граждан распавшегося Союза – что не подлежит сомнению – вошли в новые постсоветские государства со своей «старой» советской идентичностью.

В подавляющем числе случаев к власти там пришли люди, которые разделяли тезис: государство – это исключительная собственность титульной нации, имя которой значи-

Во всех постсоветских государствах стала решаться одна и та же задача: создать «великую» идентичность «великого» титульного этноса, до краёв наполненную символами его собственной гордости.

лось в названии государства. В этих условиях, как справедливо замечает В. А. Тишков, «идентичность – это прежде всего вопрос обретения власти (empowerment) в широком значении слова (легитимность, статус, полномочия и даже право на насилие)» [Тишков 2001]. И повсюду стала решаться одна и та же задача: создать «великую» идентичность «великого» титульного этноса, до краёв наполненную символами его собственной гордости, а затем «привить» её всем другим этносам, оставшимся от СССР в составе данного государственного образования.

Очевидно, советская идентичность с её символами никак не годилась для националистического проекта: она основывалась на *общей* истории, её символы были *общими*, а её идеологической платформой была идея национального и социального равенства, что в принципе противоречит идее национализма. Кроме того, эта идентичность в силу многовековых исторических причин, спорить с которыми бесполезно, требовала в качестве языка межнационального общения – пусть даже наряду с государственным языком титульного этноса – *русского языка*. Утверждение советской идентичности на государственном уровне в качестве основания для новой национальной идентичности давало бы право национальным меньшинствам в новых этно-государствах иметь равный статус (в том числе в качестве субъекта федерации), равные права в использовании родного языка и исторического языка межнационального общения, равные права на институционализацию собственных символов гордости, и т. д. В итоге это давало бы им равный доступ к социальным лифтам с титульным этносом и равный доступ к власти. И можно утверждать, что только лишь в одной постсоветской республике – Беларуси – советская идентичность в своей максимально возможной в тот момент полноте была положена в фундамент новой национальной идентичности. Парадокс: даже в России, в которой советская идентичность является наиболее «родной» исторической формой, поскольку опирается на русский язык и русскую национальную (не-этническую) культуру, вместо великой идеи «всеобщего равенства», объявленной «утопией» и стыдливо забытой, быстро пророс и набрал силу великорусский национализм, а на все советские символы гордости было наложено «табу» – за исключением разве что Победы в Великой Отечественной войне. После этого не удивительно, что только маленькая Беларусь, ограниченная во всех своих ресурсах, оказалась, по сути, единственным государством, которое без социально-политических катаклизмов и потрясений вошло в новый миропорядок.

Поскольку Беларусь по большому счёту оказалась единственным исключением, повсюду на постсоветском пространстве возник и начал разрастаться конфликт между «советской»

идентичностью и официальным национализмом пришедших к власти элит, хотя степень развития этого конфликта напрямую зависела и от степени интенсивности националистических устремлений власти, и от степени организованности этнических меньшинств, и от степени полиэтничности общества. В Прибалтике, например, где уровень государственного национализма порой становится близок неонацизму, вооружённого столкновения не произошло, пожалуй, только по причине полной неорганизованности «Интерфронта» и отсутствия всякой его поддержки со стороны России на фоне прекрасной организованности националистов, получивших полный пакет помощи от Запада, быстро прибравших к рукам весь государственный аппарат и институционализировавших своё политическое господство в государственное право. Сегодня бывшие прибалтийские республики – типичные этнократические государства, в той или иной степени ограничивающие права граждан в зависимости от их этнической принадлежности. Тамошние власти хорошо понимают, что конфликт идентичностей на подконтрольных им территориях вовсе не исчерпался, а лишь заморожен и ждёт своего настоящего разрешения.

В постсоветских государствах, оказавшихся в высокой степени моноэтничными, в том числе и в силу мощных миграционных процессов, быстро «вымывших» нетитульную часть населения ещё во времена «перестройки», этот конфликт либо не перерос в полномасштабную войну, ограничившись «боями местного значения», либо принял форму «этно-клановой» войны за власть, как в Таджикистане и Киргизии. Однако там, где националисты, вдохновлённые идеей собственного величия, тут же захотели привести в повиновение с помощью военной силы этнические меньшинства, возжелавшие равенства, как в Грузии и Молдове, там сразу же разразились гражданские войны, окончившиеся фактическим распадом этих государств.

## Война идентичностей на Украине

В своей наиболее развитой, можно сказать, классической форме, война идентичностей разразилась, несомненно, на Украине, хотя даже сама по себе идентификация сторон конфликта здесь оказалась совсем не очевидной. У российской либеральной оппозиции на этот счёт одна точка зрения, у «патриотических» СМИ другая, у власти – трудно сказать какая. Позиция либералов – «Путин начал войну против Украины» – не нуждается в комментариях. Идеологическая позиция, на которой стоят «патриоты», сводится к тому, что на Украине столкнулись два мира: «Русский мир» и «мир украинских националистов (фашистов, нацистов и т. д.)». Понятие «Русский мир» в данном контексте возникло спон-

танно с подачи российского президента и значит оно ровно то, что каждый под ним понимает. Однако «патриотические» СМИ, большей частью стоящие на позициях русского национализма, консолидировались в его трактовке и связали её прежде всего с русским языком, а затем с «русским духом» или, следуя В. В. Путину, с «русским характером», с русским православием, и т. д., а потому и стали понимать как общность людей, обладающих *русско-православной этнической* идентичностью. Таким образом, лозунг «борьбы за объединение Русского мира» – *«русская весна»* как таковая – понимается ими как борьба за объединение территорий, заселённых этническими русскими. И если отбросить эмоциональные эпитеты и обратиться к сути, получается, что в Донбассе русские этнические националисты воюют за территорию с украинскими националистами. И в контексте присоединения Крыма подобная трактовка уже получила полное признание Запада.

Однако как совместить эту трактовку с тем обстоятельством, что в Крыму русских меньше 60%, остальные – украинцы, татары, армяне, греки и т. д., но не 60, а 90% из них проголосовали за вхождение в Россию? И как тогда объяснить то, что в Донбассе больше половины населения – этнические украинцы, из которых значительное, если не подавляющее, большинство проголосовало за независимость от Киева; как и то, что вместе с русскими и украинцами на стороне ополчения воюют и местные жители, и граждане России, принадлежащие другим этническим меньшинствам (армяне, немцы, осетины, чеченцы, ингуши и т. д.) и другим традиционным конфессиям?

А объяснение здесь простое: хотя все ополченцы («дальние» иностранцы не в счёт) говорят на русском языке, их идентичность (т. е. их линия между «мы» и «они») вовсе не проходит между этническими русскими и украинцами или между этническими русскими и нерусскими. Уже один только хорошо известный факт, что подавляющее число из них имеет возраст от 40 лет и выше, практически однозначно говорит, что по своей идентичности они – *советские люди*, их идентичность – это *советская интернациональная идентичность*. Ещё двадцать с небольшим лет назад практически всё украинское общество, за исключением исторической Галиции, состояло из советских людей. На мартовском 1991 г. референдуме 70% – абсолютное большинство! – населения Украины высказалось за сохранение СССР. А выступавшие против этого западно-украинские ультра-националисты воспринимались как откровенные маргиналы. И если бы украинские власти проводили ту же самую политику создания национальной идентичности на мощном фундаменте советской, что и власти Беларуси, сегодня Украина была бы монолитным сплочённым государством.

Однако на протяжении 1990-х гг. партноменклатура, получившая в своё распоряжение новую Украину, скорее в силу своей политической слабости и близорукости, чем в силу националистических убеждений, устранилась от стратегически важного выбора в формировании новой идентичности. Так, со стороны власти не было тогда какого-то признания «заслуг» ОУН и УПА перед Украиной или официального поношения советских символов, но, с другой стороны, не было, по сути, и никакого внятного противодействия оформившимся идейно, организационно и юридически украинским неонацистам в лице, скажем, той же УНА-УНСО. А между тем на Украине, как нигде на постсоветском пространстве, существовала агрессивная «точка роста» национализма, связанная как с давней, так и с «ближней» – советской – историей. Так, в западных областях Украины, присоединённых к СССР в 1939 г., население, в том числе и женская его часть, в массовом порядке участвовало во Второй мировой войне как в составе вооружённых сил Германии, так и в формированиях УПА, но в любом случае против Красной армии, против партизан и просоветски настроенного населения. По некоторым подсчётам, общая численность этнических украинцев, воевавших против СССР, составляла 400 тысяч человек [Илющенко 2014], что (даже в случае тенденциозности такого подсчёта и при всех возможных оговорках) для населения, локализованного в основном лишь на западных территориях УССР, представляет огромную цифру. Эти люди в послевоенный период вполне заслуженно (а символами этой «заслуги» являются и Волынская резня, и Бабий Яр, и Хатынь, и др.) были названы «предателями», «карателями», «бандитами» и т. д., – одним словом, «бандеровцами». И когда Украина в 1992 г. получила независимость, у их многочисленных потомков, представляющих, наверное, большинство украинского этнического населения западной части страны, которым до этого официально следовало не гордиться, а стыдиться «подвигов отцов», произошёл «взрыв» идентичности: *«Наши отцы и деды – не изменники и не бандиты, а борцы за свободу! Они – Герои, которым Украина обязана своей сегодняшней независимостью! Слава Украине! Слава Героям!»*. Этот взрыв был направлен как внутрь – на подавление советской иноидентичности, так и вовне – против «клятых москалей», на поругание всего, что связано с Россией, Советским Союзом, их символами и историей. Патологическая ненависть западноукраинских националистов к «москалям» и ко всем символам советской эпохи вызвана не столько этнической неприязнью, сколько полувековым неутолённым желанием «в открытую» гордиться своими предками-«героями», ведь без этой легализованной гордости они не «великий народ», а просто потомки уголовников; неутолённым желанием утвердить, наконец, свою

(в нашем понимании – маргинальную) идентичность в качестве «официально-героической». В мотивационном плане что-то похожее на Западе произошло с гомосексуалистами.

Столкновение этой пассионарной, сверхмотивированной массы националистов с совершенно пассивным государством привело к тому, что к концу 1990-х гг. они захватили в стране все ключевые позиции: в масс-медиа, в сфере образования и культуры. История украинского народа была придумана заново, учебники переписаны, и новое поколение выросло в ненависти к самой идее братства народов некогда единой страны. Общество стало другим. И власть, смирившись с тенденцией «бандеризации» идентичности своего электората, была вынуждена направить свою утлую лодку по течению. В 2003 г. вышла книга бывшего тогда президентом Украины Л. Кучмы, – как подозревают, до сих пор не вполне владеющего украинским языком [Кучма не смог...], – которая называлась «Украина – не Россия», но в которой уже само название говорило националистам: «Я тоже с вами!». И, наконец, В. Ющенко, сменивший Кучму на посту президента, присвоивший звания «Героя Украины» Шухевичу и Бандере и объявивший «голодомор» единственным символом Советской Украины, поднял маргинальную «бандеровскую» идентичность до уровня официальной государственной идентичности.

Следует отметить, что утвердившаяся идентичность украинских националистов и советская идентичность являются абсолютными и непримиримыми антагонистами, поскольку основываются на взаимоисключающих символах гордости. Гордиться Петлюрой, Шухевичем, Бандерой и иже с ними, значит ненавидеть и считать «бандитами» или «оккупантами» и красногвардейцев, и советских солдат, и простых украинских граждан, считавших родным Советское государство. Поэтому присвоение официального и неофициального звания героев украинской нации всем этим персонажам было открытым оскорблением символов гордости другой половины общества, чьи предки боролись за Советскую власть на Украине и воевали с фашистами.

Избранный этой другой половиной украинского общества своим президентом В. Янукович попробовал изменить баланс идентичностей в противоположную сторону, отменив одиозные решения о «героизации» Шухевича и Бандеры и отказавшись считать голодомор «советским геноцидом украинцев». Эти, как и другие шаги Януковича по смягчению отношений с Москвой, привели к мобилизации «бандеровского» Запада страны и были восприняты там как вызов со стороны «москальского» Востока. После чего нужен был лишь повод, чтобы мобилизованная националистическая идентичность запалила войну. И Янукович дал этот повод, затеяв вначале игру с Евросоюзом, а потом вдруг сделав движение в противополож-

ном направлении – в сторону Таможенного союза. А ведь этот выбор сверхпринципиален для носителей «бандеровской» идентичности. В России, Беларуси и Казахстане подавляющее большинство населения по-прежнему считают Бандеру, Шухевича и всю украинскую националистическую братию изменниками Родины, убийцами и бандитами, а потому до окончания веков будут считать носителей «бандеровской» идентичности маргиналами. И только для Запада их символы гордости или безразличны, или даже привлекательны, как привлекательно там всё антирусское и антисоветское. Понимая или чувствуя кожей, что грядущий цивилизационный выбор может закончиться для них катастрофой, западно-украинские «пассионарии» бросились в атаку и при массовой поддержке Запада совершили государственный переворот. На улицах Киева, в тёмных коридорах одесского Дома профсоюзов, а затем и на полях Донбасса вначале с напалмом, а потом с оружием в руках бандеровская – сугубо националистическая – идентичность пошла войной на советскую – сугубо интернационалистическую. Идея первой: «загнать советско-москальское быдло в стойло, заставить забыть их родной язык и символы гордости». Идея второй: «все народы равны и имеют право говорить на родном языке и поклоняться собственным символам гордости».

Таким образом, не за территорию идёт война на Украине, а за идею. И тотальный снос националистами памятников Ленину – это знак, что ни при каком формальном перемирии компромисса идей не будет, что под «единой и неделимой» Украиной как обществом национального и социального согласия, равенства и справедливости подведена жирная черта.

## Заключение

Национализм, как и нацизм, и расизм, – это идея исключительности, превосходства одних людей над другими, требующая от своих адептов относиться к другим народам и другим культурам как к неполноценным. Она берёт начало на заре человеческого существования, когда человек был ещё зверем и только начал выходить из своей звериной сущности. Но, вероятно, именно тогда зародилась и противостоящая ей, взаимоисключающая идея – идея равенства людей и общечеловеческой справедливости. И на протяжении всей человеческой истории эти идеи ведут между собой непримиримую борьбу. Это та самая мировая борьба Добра со Злом. И по мере того, как Добро – идея равенства – побеждала, человек терял своё звериное и приобретал человеческое. Частью этой мировой борьбы была Великая Российская Революция безотносительно к тому, что ее цели так и остались не реализованными. Частью этой борьбы была и война советского народа с немецким нациз-

мом. Фрагментом этой борьбы является сегодняшняя гражданская война на Украине. И как бы ни развивались текущие события, стратегически финал этой борьбы предрешён, и нам не нужно гадать, за кем в конечном итоге останется победа.

## Библиографический список

Белоусов Е. В., Дибиров А.-Н. З. 2010. Страна, война и наша идентичность // Российская нация. № 5–6. С. 61–69.

Винниченко В. 1920. Відродження нації. Київ-Відень: Дзвін. 348 с.

Илющенко Р. 2014. Не наши братья // Военно-промышленный курьер. Еженедельник. № 34. 17.09.2014. URL: <http://vpk-news.ru/articles/21842> [Дата посещения: 12.11.2014].

Кара-Мурза С. Г. 2002. Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм. 528 с.

Кучма не смог ответить на вопрос на украинском языке // ВЗГЛЯД. Деловая газета. URL: <http://vz.ru/news/2014/9/20/706654.html> [Дата посещения: 12.11.2014].

Лоренц К. 1994. Агрессия (так называемое «зло») / Пер. с нем. М.: Прогресс. 272 с.

Медведев Д. А. 2011. Интервью телеканалу «ЕвроНьюс» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/12623> [Дата посещения: 12.11.2014].

Тишков В. А. 2001. Политическая антропология. Спецкурс для студентов гуманитарных факультетов // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Под ред. А. Г. Селезнёва, С. С. Тихонова, Н. А. Томилова. Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ. С. 48–56.

Deutsch Karl W. 1979. Tides among Nations. New York: Free Press. 342 с.

## The War of Identities

*Dibirov Abdul-Nasir Zirarovich*

Doctor of political sciences, professor, rector of NANODPO “Dagestan Institute of Economics and Politics”, Makhachkala, Russia. E-mail: [anzidi@yandex.ru](mailto:anzidi@yandex.ru)

*Belousov Yevgeny Vasilyevich*

Candidate of philosophical sciences, director of ANO “Moscow Institute of socio-political analysis”, Moscow, Russia. E-mail: [ev.beloysov@yandex.ru](mailto:ev.beloysov@yandex.ru)

**Abstract.** In the present article, the causes of a conflict of identities in the post-Soviet space are exposed based on the theoretical grounds of the authors' understanding of the meaning of the concept “identity”. For that, the authors turn to the formation of national identity in Imperial Russia, the Soviet Union and post-Soviet States. This paper analyses the content of such concepts

as “ethnocracy”, “constructing national identity”, and “the symbols of national pride” to explore reasons for the collapse of statehood in polyethnic societies and the factors for the preservation or restoration of statehood in such societies. In particular, the paper examines the content of Soviet identity and its role in the formation and preservation of Russian statehood. According to the authors, the conflict between identities in the former Soviet space is based on a conflict between the Soviet identity preserved until the present day on the part of the population and the formation of identity in the new states – an identity that includes some elements of nationalism. According to the authors, the war of identities that broke out in Ukraine became a classical embodiment of this conflict. The conflict between artificially designed national identity in the post-Soviet states and the Soviet identity defines in many respects the political situation in these states. The authors criticize the point of view of the current political discourse that there was a collision of the Russian world and Ukrainian nationalism. The article reasonably exposes the nature of this war of identities as the war between Ukrainian nationalism constructed over the last twenty years and the established Soviet identity, uniting mainly citizens of southeastern Ukraine with the same citizens of other post-Soviet States, especially Russia.

**Keywords:** war, state, citizens, identity, history, nation, nationalism, conflict.

## References

Belousov E. V., Dibirov A.-N. Z. Strana, vojna i nasha identichnost' [The Country, War and Our Identity] – Rossijskaja nacija, 2010, No. 5–6, pp. 61–69.

Deutsch K. W. Tides among Nations. New York: Free Press, 1979. 342 p.

Il`ushhenko R. Ne nashi bratia [Not Our Brothers] – Voenno-promyshlenny kur'ier. Ezhenedel'nik, 2014, No. 34. URL: <http://vpk-news.ru/articles/21842> [date of visit 12.11.2014].

Kara-Murza S. G. Sovetskaja civilizacija [Soviet Civilization]. T. 1. Moscow, Algoritm, 2002. 528 p.

Kuchma ne smog otvetit' na vopros na ukrainskom jazyke [Kuchma was unable to answer the Question in Ukraine language] – Vzgliad. URL: <http://vz.ru/news/2014/9/20/706654.html> [date of visit 12.11.2014].

Lorenz K. Agressija (tak nazyvaemoe “zlo”) [On Aggression]. Moscow, Progress, 1994. 272 p.

Medvedev D. A. Interview for “Euronews” TV. – Official Website Presidenta RF. URL: <http://www.kremlin.ru/news/12623> [date of visit 12.11.2014].

Tishkov V. A. Politicheskaja antropologija. Speckurs dlja studentov gumanitarnykh fakul'tetov [Political Anthropology] – Integracija arheologicheskikh i jetnograficheskikh issledovaniy. Ed. by A. G. Seleznirov, S. S. Tikhonov, N. A. Tomilov. Nal'chik; Omsk, OmGPU, 2001, pp. 48–56.

Vinnichenko V. Vidrodzhennja naciï [Degeneration of Nation]. Kyiv-Viden', Dzvin, 1920. 348 p.